

ПРОБЛЕМАТИКА РИСКОВ СОВРЕМЕННОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ВЕДУЩИЕ ПОДХОДЫ¹

С.С.Хоружий

Наша тема – о рисках, и сразу же надо оговорить, что на нашей Школе мы проводим *научное* обсуждение этой темы. В широком сознании риск до сих пор воспринимается не как научное понятие, а как слово из обывденной или журналистской лексики. Слова в такой лексике имеют, как правило, весьма размытое содержание, и потому нам в первую очередь необходимо задаться хотя бы подобием отчетливого определения риска. Мы примем следующую формулу: *риск – это потенциальная возможность осуществления некоторой опасности, возможность некоторого дурного события или нежелательного положения вещей*. Это – достаточно широкое понимание. Иногда можно встретить те или иные его вариации, которые не меняют его значительно. Так, в трактовке Никласа Лумана на первый план выдвигается не столько опасность, сколько непредсказуемость ситуации риска, ее неподвластность рациональному анализу: «В принципе понятие риска обозначает будущее, которое нельзя знать... Мир в целом не вписывается в рациональный расчет и реагирует неожиданным образом... Речь идет о разрыве континуума рациональности»². Но во всех вариантах, те или иные риски – это обычный и неизбежный элемент практически любой ситуации на любом уровне, будь то ситуация личная или ситуация человека вообще, общества, глобальной системы. И можно согласиться, что во всех этих ситуациях, на всех этих уровнях риски были всегда. Поэтому встает вопрос: отчего же только сейчас, в наше время научная мысль обращается к изучению рисков и начинает их рассматривать глубоко и систематически? Ответ прост: в наше время изменились, и притом радикально, роль и значение рисков.

Риск становится ведущей, ключевой чертой существования современного общества, и это – одно из самых кардинальных отличий нашего времени от «досовременности». Насколько риск не считался прежде чем-то существенным, видно уже из того, что само это слово появилось в европейских языках лишь в Новое Время. По смыслу, оно вобрало в себя представления, которые прежде вкладывались в понятия фортуны, неминуемой судьбы, непредсказуемого шанса и т.п.; согласно Энтони Гидденсу, именно к «фортуне» следует возводить корни, генезис понятия риска. Стоит тут же отметить, что риск относят обычно к кругу понятий и представлений секуляризованного сознания; принято считать, что понятие риска формируется как результат секуляризации нескольких взаимосвязанных идей и понятий религиозной картины мира: судьбы, Провидения, предопределения, воли Божией и т.п. Подобный взгляд верен, но лишь отчасти. Понятие риска не следует считать вполне чуждым религиозному сознанию – по крайней мере, в тех его формациях, в которых – как, скажем, в христианстве – признаются свобода и ответственность человека. Можно утверждать: где есть свобода человека – там есть и его риск! где есть ответственность человека – там есть и его риск! Однако вариации понятия риска, соответствующие религиозному сознанию, еще остаются неисследованными.

Сегодняшняя же роль риска ярко выражается в том, что современное общество в целом, в своей общей природе квалифицируется как «общество риска». Понятие «общество риска», введенное Ульрихом Беком в книге «Общество риска: на пути к другому модерну» (Франкфурт-на-Майне, 1986), разрабатывалось им и другими авторами с учетом опыта крупных кризисов и катастроф наших дней, таких как Чернобыльская катастрофа. Вклад в закрепление этого понятия внесли углубляющиеся экологические

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 14-03-00109 «Антроподиагностика современной социальной реальности на базе синергичной антропологии» (Anthropological Diagnostics of Modern Social Reality on the Basis of Synergic Anthropology).

² Н.Луман. Введение в системную теорию. М., 2007. С.196-197.

кризисы, неуходящий риск ядерной войны, повсеместное распространение террористической угрозы и другие актуальные факторы.

Вместе с тем, наряду с нарастанием реальных угроз, опасностей, непредсказуемых элементов в существовании современного мира и человека, в новый статус риска внесли значительный вклад и перестройки сознания. Риск относится к будущему, он характеризует наши будущие действия, перспективы и возможности; а современное сознание, в сравнении с «досовременным», чрезвычайно усиливает свою ориентацию на будущее, обращенность и направленность к будущему. Неразрывная сопряженность будущего с риском, насыщенность его рисками, в сочетании с напряженной обращенностью к будущему, приводят к тому, что, по словам Гидденса, «мышление в понятиях риска и его оценки становится обыденным делом», а сам образ жизни в современном обществе характеризуется как «сосуществование с постоянно присутствующими рисками».

Осознание того, что риск стал новым и неустранимым глобальным качеством современной жизни, неизбежно повлекло за собой становление соответствующей области исследований в сфере современной социологии и политической философии. Теоретические основания концепций риска и общества риска заложили, в первую очередь, Н.Луман, У.Бек, Э.Гидденс. В данной лекции мы будем обсуждать проблематику рисков современности также в ее теоретических аспектах, входя в анализ конкретных рисков лишь для примера и иллюстрации. Но тем не менее мы не ограничимся лишь рассмотрением позиций указанных ведущих авторов. Хотя представленное в них понимание проблемы рисков является доминирующим в современной науке, оно все же не является единственным; а тема рисков сегодня настолько важна и актуальна, что следует учитывать и другие возможные подходы к ней. Мы рассмотрим два таких отличающихся подхода. Один из них принадлежит Хайдеггеру и развивался им в ряде докладов и статей 50-х годов, посвященных феномену техники. Он создан задолго до работ вышеназванных авторов, сформировавших мейнстрим современной трактовки рисков, и базируется на совершенно иных принципах, отнюдь не социологических, а сугубо онтологических. Сегодня он уже практически не развивается далее, однако, на наш взгляд, его следует признать первым опытом современной постановки проблемы рисков. Именно здесь, у Хайдеггера, впервые было подчеркнуто все решающее значение этой проблемы для современности. Наряду с этим подходом, очевидно, что некоторая своя трактовка рисков должна возникать и в развиваемом нами направлении синергичной антропологии, которое на сегодняшнем этапе активно исследует феномены не только собственно антропологической, но и социальной реальности.

Согласно общим принципам нашего направления, в динамике глобальной реальности определяющую роль играет антропологический уровень; и тезис о примате антропологического с необходимостью должен отражаться на том, какие риски мы видим в современности и как мы интерпретируем их. Обычные суждения о современных рисках охотно признают их антропологическое происхождение; так, по известному высказыванию Э.Гидденса, «Мир... по большей части структурирован рисками, созданными человеком»³. Но это признание их антропологической или антропогенной природы, как правило, остается декларацией, меж тем как научные исследования рисков ведутся исключительно в рамках социологии и политической философии. Поэтому на поверку, феномен риска трактуется как принадлежащий лишь социальному уровню реальности, и его специфически антропологические аспекты не выявляются. Синергичная антропология, разумеется, не отрицает, что ведущие риски современности – это мощные факторы и явления на социальном уровне; но в ее терминах, они принадлежат *интерфейсу социального и антропологического*, и их антропологические измерения и связи являются критически важными для понимания их механизмов. Методику синантропологического

³ Э.Гидденс. Последствия современности. М., 2011. С.246.

изучения рисков мы наметим в заключительном разделе лекции. Начнем же с самого раннего, хайдеггеровского подхода.

I. Онтологическая концепция риска

Понятие риска не входит в круг основных концептов философии Хайдеггера, и в ней не представлено отдельной самостоятельной концепции риска. Тем не менее такая концепция без труда может быть реконструирована в рамках дискурса Хайдеггера, поскольку тема риска здесь возникает и развивается как весьма существенный, ключевой аспект в изучении *феномена техники*. Но, прежде чем обратиться к данному феномену, нам следует задать вопрос: если Хайдеггер рассматривает лишь риски, связанные с техникой, то ведь это – далеко не полное рассмотрение проблемы риска? И как подобный подход к проблеме соотносится с полной ее постановкой, которая, очевидно, требовала бы выделить все высокозначимые риски для человека, общества и глобальной реальности? Ответ на этот вопрос таков, что в дискурсе Хайдеггера такая «полная постановка» является глубоко не философской; выражаясь математически, она представляет собой некорректную задачу. Дискурс Хайдеггера – это дискурс «фундаментальной онтологии», который по своему содержанию есть собственно дискурс антропологии, понятой особым образом – трактуемой и представленной как онтология. Соответственно, риск должен быть определен как понятие в рамках данного дискурса – а это означает, как понятие, характеризующее отношение человек к бытию. Тем самым, для произвольных рисков в ситуации человека и общества возникает предварительная задача выяснить их связь с подлинными, то есть онтологическими рисками, и в зависимости от характера этой связи, они будут либо вобраны в онтологическую концепцию риска, либо отброшены как простые элементы эмпирической реальности, иррелевантные для проблемы риска в ее онтологической постановке.

Далее, в согласии с исходным интуитивным смыслом, риск – это характеристика, близкая и родственная таким характеристикам как *угроза* и *опасность*. Отсюда уже и намечается корреляция, соотнесение риска с техникой. Ибо Хайдеггер развивает онтологическую трактовку феномена техники, в рамках которой техника в самом своем существе интерпретируется именно как определенная опасность, грозящая принести вред, порчу для отношения человека к бытию, грозящая исказить это отношение, а в пределе, возможно, даже и вообще его ликвидировать, уничтожить.

В основе этой трактовки лежит знаменитая хайдеггеровская идея, выражаемая его концептом *Gestell* (словарное значение – остов, подставка, станина), который В.В.Бибихин переводит неологизмом *постав*⁴. Как это для него обычно, Хайдеггер отправляется от изначального греческого понимания, заложенного в самом слове. Техника – от *techne*, а *techne* – это умение, ремесло в единстве с искусством. Будучи таким единством, *techne*, по Хайдеггеру, родственна и близка *poiesis*'у, который понимается как «произведение»; а оно, в свою очередь, трактуется у Хайдеггера как *изведение из потаенности*. Таким образом, этимологическая, а стало быть, также смысловая и генетическая связь техники с *techne* приводит к первому, отправному определению техники: «Техника есть некоторый вид раскрытия потаенности»⁵. Однако при этом, техника – это крайне специфический вид раскрытия, «техническое раскрытие», которое в своем осуществлении отклоняется, уходит в сторону от *techne* и *poiesis*, теряет свою близость к ним и разворачивает свойства, им в корне чуждые. Именно эти свойства и передает понятие *постав*. Если *poiesis*, произведение, представляет то, что изводится из потаенности, то техника *поставляет* или *предоставляет* изводимое из потаенности для того, чтобы оно имелось в

⁴ Частичным оправданием введения неологизма может служить то, что в трактовке Хайдеггера слову придается новое, необычное значение: все его обычные значения сугубо предметны, но у Хайдеггера слово трактуется уже не как предмет, а как действие или установка к действию.

⁵ М.Хайдеггер. Вопрос о технике // Он же. Время и бытие. М., 1993. С.225.

распоряжении, могло быть использовано. Поэтому «современная техника – это поставляюще-предоставляющее раскрытие потаенности»⁶. Тем самым, в технике заложен принцип, импульс или же установка поставления – и эта-то установка, по Хайдеггеру, и составляет существо техники. Именно ей и дается имя постава: «Поставом мы называем собирающее начало той установки, которая ставит, то есть заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии. По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники»⁷.

Согласно Хайдеггеру, установка постава – глобальная установка технического или техницистского отношения человека к миру, которой еще отнюдь не содержалось в ранних формациях техники. Само по себе создание и применение орудий и инструментов (что обычно понимается под сферой техники) вовсе не обязательно проникнуто этой установкой. По Хайдеггеру, она складывается лишь в Новое Время и притом лишь после того, как возникает точное, математическое естествознание. Благодаря последнему, «природа предстает как рассчитываемая система сил и действий»⁸ – и это является необходимой предпосылкой технического отношения к природе в целом, как таковой, то есть предпосылкой постава. Поэтому «физика Нового Времени – это... ранний вестник постава... Существо современной техники коренится в поставе... [и оттого] она вынуждена применять точное естествознание»⁹.

Итак, постав как установка, предполагающая современный естественнонаучный взгляд на природу как на некоторую систему сил и действий, измеримых количественным, числовым образом, и выражающая глобально-техницистское, «поставляюще-предоставляющее» отношение к миру, составляет существо не техники вообще, но только современной техники. Понятно, что такая установка означает отход от техне и пойсиса, отказ от эстетического и гармонического раскрытия-представления того, что изводится из потаенности, согласно собственной его природе. Но тем не менее еще не ясно пока, какую же опасность и риск она несет, что дурного в том, если мы раскрываем потаенное способом постава. Это, однако, начинает проясняться, когда мы включаем в рассмотрение антропологический аспект техники.

Прежде всего, Хайдеггер замечает, что риск несет в себе не только постав, но и вообще любой способ раскрытия потаенного: «Миссия раскрытия потаенности как таковая, во всех своих видах, а потому с необходимостью, есть *риск*», поскольку в любом способе раскрытия есть «та угроза, что человек проглядит непотаенное и перетолкует его»¹⁰. В дискурсе Хайдеггера угроза «проглядеть непотаенное» есть угроза для достижения человеком доступа к истине или, что то же самое, для актуализации отношения человека к бытию, для онтологической ситуации человека. Это значит, что риск, о котором говорит Хайдеггер, есть *онтологический* риск; вместе с тем, это есть и риск для человека, то есть *антропологический* риск. Но философ не останавливается на изучении всей категории рисков, заложенных в разных способах раскрытия потаенности; с точки зрения риска он рассматривает лишь феномен техники и установку постава. Основание для такого избирательного рассмотрения лежит в том, что *при раскрытии потаенности способом постава риск оказывается максимальным, предельным*. «Когда эта миссия [раскрытия потаенности] правит в образе постава, она – крайняя опасность», – утверждает Хайдеггер, и вскоре снова подчеркивает: «Существо техники, постав, есть крайняя опасность»¹¹. Отчего крайняя опасность связывается именно с поставом, разъясняется так. «Риск здесь дает о себе знать в двух смыслах. Коль скоро непотаенное

⁶ Там же. С.228.

⁷ Там же. С.229.

⁸ Там же. С.233.

⁹ Там же. С.230, 231.

¹⁰ Там же. С.233. (Курсив автора.)

¹¹ Там же. С.233, 234.

захватывает человека даже и не как объект, предстоящий человеку, а уже исключительно как состоящее-в-наличии, человек... становится просто поставителем этой наличности – он ходит по крайней кромке пропасти, а именно, того падения, когда он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличности»¹². Это – первый аспект риска, и из него вытекает второй. «Как раз под этой нависшей над ним угрозой человек раскорячился до фигуры господина земли... Начинает казаться, что человеку предстает теперь повсюду уже только он сам... Между тем, на самом деле с самим собой, то есть со своим существом, человек сегодня... нигде уже не встречается»¹³. Отсюда следует, что, отдаваясь раскрытию потаенности способом постав, человек уже не актуализует подлинного себя в полноте своего существа. Он оставляет в стороне, отбрасывает все другие способы, «миссии» раскрытия потаенности – а среди них есть и «более исходные», то есть более укореняющие человека в истине и бытии. И Хайдеггер продолжает: «Где правит постав, на всякое раскрытие потаенного ложится печать управления, организации и обеспечения всего состоящего в наличности... Изгоняется всякая другая возможность раскрытия потаенности. Главное, поставом скрадывается тот путь раскрытия тайны, который дает присутствующему явиться в смысле произведения, *poiesis*»¹⁴.

В итоге, «господство постав грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного... Постав встает на пути свечения и правления истины. Миссия, посылающая на исторический путь поставления действительности, есть поэтому высший риск»¹⁵. Этот высший риск несравненно глубже, опаснее того общего риска «проглядеть непотаенное и перетолковать его», что Хайдеггер приписывает всякому способу раскрытия потаенного. Он является риском утраты связи с истиной и бытием, когда человек перестает быть присутствием (*Dasein*); а это, по Хайдеггеру, равносильно тому, что человек перестает быть человеком.

Итак, во всецело онтологизированном дискурсе Хайдеггера, риск тоже выступает как онтологическая категория, ассоциируемая с каждым из способов или «миссий» приобщения человека к непотаенности, к истине и бытию. Из всех этих миссий, с поставом ассоциируется высший риск, крайняя опасность – опасность полной утраты человеком связи с истиной и бытием. Но этот вывод – еще не завершение хайдеггеровской концепции риска. В качестве ее финала следует характерный поворот мысли, который возникает у Хайдеггера не раз, в различных контекстах. Этот поворот философ передает хрестоматийной строкой Гельдерлина:

Wo aber Gefahr ist, wächst / Das Rettende auch.

Где опасность, там вырастает и спасительное (пер. В.В.Бибихина).

По этой поэтической логике, техника и постав суть явления амбивалентные, они должны нести в себе и некоторые потенции, противостоящие опасности, восстанавливающие и возвращающие обращенность человека к истине и бытию: «Как раз в существе техники должны таиться ростки спасительного»¹⁶.

Возникает задача обнаружить и проанализировать эти ростки. Она, в свою очередь, имеет две стороны: во-первых, надо найти и описать «спасительное» на концептуальном уровне и в принципиальном плане, теоретически; во-вторых, надо обратиться и к конкретной, практической ситуации, чтобы выяснить, существуют ли «ростки спасительного» в реальной действительности и можно ли ожидать вырастания этих ростков. Главное внимание философ уделяет первому из этих аспектов. Он стремится показать, что существо техники, постав, в самом деле амбивалентно, оно являет собою сочетание противоположностей: «Во-первых, постав втягивает в гонку поставляющего производства, которое совершенно заслоняет событие выхода из потаенности и тем самым

¹² Там же. С.233.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С.234.

¹⁶ Там же.

подвергает риску самые корни нашего отношения к существу истины. Во-вторых, сам постав в свою очередь осуществляется путем того осуществления, которое позволяет человеку пребывать – до сих пор неосознанно, но в будущем, возможно, это станет более ощутимым – в качестве требующегося для хранения существа истины. Так поднимаются ростки спасительного»¹⁷. Здесь первая часть – повторение уже сказанного об опасности и рискованности постава; о спасительности же говорит вторая часть, выраженная весьма по-хайдеггеровски, то есть изрядно темно. Главное здесь – в указании, что сам постав базируется на некотором «осуществлении, которое позволяет человеку пребывать в качестве требующегося для хранения существа истины». Иначе говоря, постав все же имеет генетическую связь и зависимость от природы человека как присутствия, как пастуха бытия и т.д. – и вот отсюда-то и «поднимаются ростки спасительного». В известном докладе «Поворот» (1949) эти ростки охарактеризованы несколько более отчетливо. Здесь также говорится о сочетании в феномене постава крайней опасности и спасительности, причем указывается, что спасительное появляется, когда «опасность опознана как опасность». Это опознание и осознание опасности как таковой выделяется философом как кардинальное событие, которое в обыденном языке мы бы назвали «моментом истины»; Хайдеггер же дает ему название «поворот» (Kehre). Действительно, в бытийном аспекте, подобное опознание-осознание – это не что иное как «поворот, превращающий забывание бытия в хранение истины бытия»¹⁸. И, по Хайдеггеру, он должен произойти в одночасье, не постепенно: «Поворот, превращающий опасность в спасение, совершится вдруг. При этом повороте внезапно высветлится свет бытийной сути»¹⁹. Применительно к технике, такой поворот должен означать возврат к ее изначальному пониманию, в котором спасительное было на первом плане – именно так осмысливалась в античности техне: «Когда-то не только техника носила название «техне». Когда-то словом «техне» называлось и то раскрытие потаенного, которое выводит истину к сиянию явленности... Словом «техне» назывался и «пойесис» изящных искусств»²⁰. Иначе говоря, поворот означает осознание того, что «существо техники не есть нечто техническое», и он должен нести «сущностное осмысление техники и решающее размежевание с ней». При этом, такое осмысление и размежевание «должны произойти в области, которая, с одной стороны, родственна существу техники, а с другой, все-таки фундаментально отлична от него. Одной из таких областей является искусство»²¹.

Можно согласиться, что здесь связь риска, опасности и спасения представлена уже довольно ясно. Но остается не менее существенный вопрос: произрастают ли ростки спасения в нашей действительности? Хайдеггер его обходит молчанием, ограничиваясь лишь замечанием, что в нужном для поворота качестве человек пребывает «до сих пор неосознанно, но в будущем, возможно, это станет более ощутимым». Высказываемая тут туманная надежда на будущее, конечно, не является аргументом; и в самом деле, сегодня мы можем констатировать, что со времени этих текстов Хайдеггера реальность отнюдь не развивалась в направлении большей ощутимости человеком своей миссии хранителя бытия, в направлении к изначальной близости техники и техне, пойесиса, искусства в его античном понимании.

В силу этого, к современной проблематике рисков человека и общества гораздо более непосредственное отношение имеет не онтологическая концепция Хайдеггера, а социологическая концепция, с полным на то основанием доминирующая в современной науке. Но при всем том, концепция Хайдеггера во многом сохраняет значение и ценность. В отличие от социологической концепции, она глубоко внедрила проблематику риска в философский дискурс и контекст, впервые продемонстрировала онтологические,

¹⁷ Там же. С.237.

¹⁸ Он же. Поворот // Цит. изд. С.255.

¹⁹ Там же. С.256.

²⁰ Он же. Вопрос о технике. С. 237.

²¹ Там же. С.238.

антропологические, а также, добавим, и экологические, аспекты этой проблематики. Поэтому, развивая концепцию риска в рамках синергийной антропологии, мы, наряду с социологической, учитываем в полной мере также и онтологическую концепцию, не становясь, однако, на позиции ни той, ни другой.

II. Социологическая концепция риска

Исследование рисков современности на социологическом уровне, как феноменов социальной реальности, – обширное русло, в котором существует уже немало концепций и разработок, однако еще не имеется единого понятийного базиса. Мы попытаемся наметить его основные элементы, используя концепции разных ведущих авторов (У.Бека, Н.Лумана, Ч.Тэйлора и др.) и более всего опираясь на Э.Гидденса, чей подход является наиболее поздним, а также и наиболее систематическим.

Сам концепт риска был уже бегло введен в начале лекции; мы представили весьма общие его дефиниции, которые могут служить, в частности, и для социологической концепции риска. Однако понятие риска следует сразу же уточнить. Применяя его к анализу современности, мы постоянно говорим о нарастании, усилении или наоборот, снижении рисков – и это значит, что наше понятие должно обеспечивать, чтобы риски поддавались оценке и хотя бы относительному измерению. Один из обычных способов уточнения следующий. Риск характеризуется «величиной», а величина риска, в свою очередь, определяется двумя основными показателями: 1) вероятность реального наступления некоторой опасности или нежелательного события; 2) степень разрушительности, пагубности данной опасности. Этот показатель я нахожу целесообразным детализировать, выделив два рода пагубности – соответственно, пагубность на антропологическом уровне, для человека, и пагубность на социальном уровне, для общества; социальная пагубность должна оцениваться с учетом социальных масштабов опасности. С такими уточнениями, концепт риска становится пригодным для целей анализа стратегий и ситуаций. Риски с большой величиной принято называть *высокозначимыми рисками*.

В понятийный базис социологической концепции входит ряд понятий, близко примыкающих к риску. Прежде всего, конечно, опасность: «Опасность и риск тесно связаны, но не совпадают... Риск предполагает именно опасность (не обязательно осознанную). Человек, рискующий чем-то, навлекает на себя опасность, которая понимается как угроза достижению желательного исхода»²². Гидденс также терминологизует, использует как особое понятие, смежное с риском, формулу «непредвиденные (или непреднамеренные) последствия». В круг понятий, тесно соседствующих с риском, входят также случайность, неожиданность, ненадежность, непредсказуемость, изменчивость и др. Все эти примыкающие понятия вкуче составляют *топос риска*, раскрывающий смысловое содержание последнего. Далее, это содержание, как и у всякого понятия, раскрывается также путем отличений и противопоставлений. Противоположность риску выражают, в первую очередь, такие понятия как *уверенность, доверие, безопасность, надежность*. Можно считать, что понятийный базис концепции риска формируется посредством дескрипции двух противостоящих, полярных топосов: топос риска – топос уверенности.

Весьма близкие понятия доверия и уверенности усиленно изучались в новейший период, войдя в круг важнейших понятий социальной философии. Их подробный анализ можно найти и у Гидденса, и у Лумана, которые согласно указывают их основные совпадения и различия (хотя Гидденс предлагает другую трактовку доверия, чем Луман). Вот их общая дефиниция уверенности: «Уверенность... означает более или менее общепринятую установку на то, что знакомые вещи не изменятся» (147). Что же касается

²² Э.Гидденс. Последствия современности. С.151. (В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться указанием страниц в скобках после цитаты.)

доверия, то, по Гидденсу, «доверие можно определить как уверенность в надежности человека или системы в отношении некоторого данного множества ожидаемых результатов или событий, где эта уверенность выражает веру в доброе имя или любовь другого или в правильность абстрактных принципов (технического знания)» (150-151). Общее между ними в том, что «и доверие, и уверенность отсылают к ожиданиям», однако при этом – момент различия! – «Доверие предполагает осознание обстоятельств риска, тогда как уверенность – нет» (147). Добавим сюда и дефиницию безопасности: «Мы можем определить «безопасность» как ситуацию, в которой определенное множество опасностей нейтрализовано или минимизировано» (152-153). Для каждого из этих понятий существуют многие виды и вариации. Особенно обширна номенклатура доверия. Здесь различаются «доверие к людям» и «доверие к системам», причем значение последнего постоянно растет: «Природа современных институтов глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам, особенно к экспертным системам» (212). Важную роль в концепции Гидденса играет и взятое из психоанализа Эриксона понятие «базового доверия», которое служит ключевой предпосылкой формирования устойчивой самоидентичности. С помощью этого понятия Гидденс описывает специфический феномен, который он называет «трансформацией интимности». Суть его в том, что в «досовременности» базовое доверие было всегда и естественно присутствующим фоном в отношениях между индивидами в обществе, но в современности этот априорный фон исчез, и базовое доверие сегодня необходимо завоевывать, строить. «Доверие не предзадано, но вырабатывается, и связанная с этим работа означает взаимный процесс самораскрытия» (258). Очевидна прямая связь «трансформации интимности» с проблемой рисков: подобная трансформация влечет существенное усиление рисков в развитии межчеловеческих отношений, в процессах общения, во всей психологической и социопсихологической сфере. Далее, к «базовому доверию» близка «онтологическая безопасность», еще одно из центральных понятий концепции Гидденса. Это – форма ощущения безопасности, включающая «уверенность в привычном», что оно будет на месте, а также «ощущение надежности людей и вещей». Как указывает Гидденс, «онтологическая безопасность соотносится с «бытием-в-мире»... Это скорее эмоциональный, нежели когнитивный феномен, который глубоко укоренен в бессознательном» (223). В целом, в трактовке личностных и психологических аспектов проблемы рисков Гидденс опирается на экзистенциальную психологию, которая, в свою очередь, заимствует понятия экзистенциальной аналитики Хайдеггера. Соответственно, то, что противопоставляется стихии доверия, безопасности и соотносится со стихией риска, это не просто недоверие или ненадежность, но экзистенциальное беспокойство, тревога, ужас.

Понятия из двух противостоящих топосов теснейше переплетаются: «доверие, риск, безопасность и опасность смыкаются в условиях современности» (175). На этой общей концептуальной основе можно выделить главные виды рисков и проводить классификации рисков по различным принципам.

Прежде всего, важно учесть, что в современности «обычно риски сознательно просчитываются» (152), и в силу этого необходимо различать *обдуманнный риск* и *неосознаваемый риск*. Обдуманнные риски подвергаются анализу; учитывая ресурсы доверия, безопасности и проч., мы рассматриваем возможность уменьшить опасности. В результате возникают дальнейшие виды рисков. *Допустимым риском* Гидденс называет такой, при котором опасность минимизирована; риски просчитанные и допустимые составляют категорию *приемлемых рисков*. По масштабам системы, которая испытывает риск, естественно выделяются риски *индивидуальные (антропологические)*, *коллективные (социальные)* и *глобальные*. Риски классифицируются также по своему происхождению, порождающему истоку: в такую классификацию входят *антропогенные*, *техногенные*, *природные* риски и т.п. Сюда тесно примыкают и популярные понятия *системных* и *структурных рисков*: это – такие риски, истоки которых заложены в самих основаниях, в

базовых принципах и глобальных структурах рассматриваемой системы. Конечно, широко используются и классификации рисков по их предметной области, сфере действия. Такой классификации соответствуют финансовые, экономические, политические, военные, экологические, психологические, медико-биологические риски. В каждой из этих больших категорий риски, в свою очередь, могут классифицироваться далее по более узким, специальным областям или свойствам: так, политические риски включают в себя обширную номенклатуру рисков внешне- и внутривнутриполитических, государственных, управленческих, правовых и т.п.

В дальнейшем построении социологической концепции, в ней должны появиться собирательные понятия, характеризующие весь ансамбль наличных рисков и ситуацию общества в аспекте ее насыщенности рисками. У Гидденса главными такими понятиями служат *профиль риска* и *среда риска*. Понятие среды риска возникает в паре, в сопоставлении с противоположным понятием, роль которого исполняет *среда доверия*. И то, и другое понятие – это жизненная и социальная среда, которая взята под определенным углом – соответственно, риска или доверия. Основные свойства той и другой среды Гидденс представляет систематически с помощью еще одного противопоставления, современности и «досовременности». Опуская ради краткости описание среды доверия, приведем главные характеристики среды риска в досовременных обществах:

- 1) угрозы и опасности со стороны природы (эпидемии, стихийные бедствия и т.п.);
- 2) угроза человеческого насилия от мародеров, разбойников, солдат;
- 3) риск лишения благодати или же воздействия злых магических сил.

В современных же обществах:

- 1) угрозы и опасности, исходящие от рефлексивности современности (т.е. от обратных связей и взаимодействий с техносферой, освоенной и трансформированной природой и т.п.);
- 2) угроза человеческого насилия, исходящая от индустриализации войны;
- 3) угроза, проистекающая из рефлексивности современности, приложенной к «Я» (иначе говоря, угроза личности и идентичности от новых антропопрактик, рожденных артефактной реальностью).

Как можно отсюда видеть, трансформация среды риска в современности радикальна.

Приведенный набор свойств уже начинает создавать картину ситуации современных рисков. Но главным образом, такая картина создается Гидденсом на базе понятия профиля риска, которому он дает такое определение: «Под профилем риска я подразумеваю отдельный набор угроз или опасностей, характерных для современной социальной жизни» (245). Как видим, это всего лишь набор, список; но при всей простоте, понятие оказывается эффективным. Можно считать, что ядро, основное содержание всей социологической концепции риска у Гидденса – это аналитическая дескрипция рисков современной ситуации человека, общества и (в несколько меньшей степени) глобальной реальности, которая проводится в форме составления именно систематических списков, «профилей» рисков и их свойств, с дальнейшей дискуссией этих списков. Вот, в сокращении, первый и наиболее существенный список. Гидденс пишет:

«Специфические профили рисков современности ... могут быть обозначены следующим образом:

- 1) Глобализация риска в смысле интенсивности: например, ядерная война может угрожать выживанию человечества.
- 2) Глобализация риска в смысле роста числа случайных событий, которые влияют на каждого или, по крайней мере, на большие массы людей: например, изменения в глобальном разделении труда.
- 3) Риск, исходящий от созданной окружающей среды или социализированной природы...

4) Развитие сред институционализированных рисков, влияющих на жизненные шансы миллионов: например, рынков инвестиций.

5) Понимание риска именно как риска – как такой опасной неопределенности, которую нельзя убрать или сделать определенной с помощью религии или магии.

6) Достаточно распространенная осведомленность о рисках: важнейшие риски хорошо известны широкой публике.

7) осведомленность об ограниченных возможностях экспертизы: ни одна экспертная система не может полностью описать или предсказать все последствия принятия ее рекомендаций» (261-262).

Согласно Гидденсу, это – «по-настоящему грозная» совокупность рисков! Пункты 1-4 в приведенном профиле указывают новые главные формы рисков, тогда как пункты 5-7 «меняют опыт риска или восприятие ощущаемых рисков». Пункты 1, 2 – это «риски глобализации»: п.1 – потенциальные глобальные катастрофы, для которых нет никаких географических, политических или иных различий (именно эти риски служили для У.Бека основанием для введения концепта «общество риска»); п.2 – глобальные риски от систем распределения ресурсов и услуг, типа нефтяного кризиса 1973 г. П. 3 объемлет все возрастающее разнообразие экологических рисков, которые отражают «изменившийся характер отношения между человеческими существами и окружающей средой» (265). П. 4 включает риски, которые порождаются транснациональными институтами, но захватывают и массы тех, кто к ним не причастен; обычно они допускают анализ посредством теории игр (например, риски гонки вооружений). П. 5 выражает, по Гидденсу, главное различие в опыте риска между досовременными и современными обществами: исчезают все способы достижения чувства безопасности на базе религии или магии, ранее применявшиеся самым активным образом. Наконец, взаимосвязанные пп. 6, 7 также отражают характернейшие черты современного сознания риска: широкое знание о среде риска ведет и к знанию о возможностях экспертизы, а затем и к подрыву веры в экспертов и экспертные системы. Уже широко известно, что эксперты могут умалчивать об истинной природе рисков, искажать ее, даже скрывать действительные риски и фабриковать несуществующие.

Наряду с рассмотренным основным профилем, Гидденс выстраивает также отдельный профиль наиболее высокозначимых современных рисков:

- 1) Рост тоталитарной власти.
- 2) Ядерный или крупномасштабный военный конфликт.
- 3) Разрушение механизмов экономического роста.
- 4) Экологическое разрушение или катастрофа.

Здесь пп. 1, 2 – политические риски, п.3 – экономический риск и п.4 – экологический риск. П.1 поясняется тем, что современные технологии и коммуникации небывало повышают возможность власти усиливать контроль и становиться тоталитарной властью. «Усиление практик надзора обеспечивает много способов демократического участия, но также делает возможным местный контроль политической власти, держащийся на монопольном доступе к средствам насилия в качестве инструмента террора. Тоталитаризм и современность связаны не случайно, но по самой своей природе; это, в частности, показал Зигмунт Бауман в книге «Современность и холокост» (1989)» (319-320).

Далее, анализ выстроенных профилей риска и соответственного им опыта восприятия рисков приводит к существенному дополнению концепции. Делается наблюдение, что постоянная и навязчивая речь о рисках в современном обществе вызывает двойные последствия. С одной стороны, в своем прямом воздействии она порождает у многих психологические проблемы, в их мироощущении, поведении начинают преобладать чувства неопределенности, неконтролируемости, непредсказуемости, что может приводить и к расстройствам, парализовать их общественную и профессиональную жизнь. С другой стороны, однако, навязчивая тема порождает защитные психологические усилия. Чувствительность к теме притупляется и

возникает своеобразная адаптация к рискам. Как говорит Гидденс, формируются **адаптивные реакции**; и он выделяет 4 их вида:

1) *Прагматическое принятие*: надо оставить в стороне все, что недоступно для воздействия и контроля и сосредоточиться лишь на ближайшем, непосредственном, на задачах ежедневного выживания. Такая реакция требует не отворачиваться от реальности, а участвовать в ней; психологически, она совместима как с пессимизмом, так и с надеждой, которые могут сосуществовать.

2) *Поддерживающий оптимизм*: сохранение веры в разум, в то, что для большинства глобальных проблем возможно найти здравые решения. Пока, в наши дни, это еще очень распространенная и популярная установка.

3) *Циничный пессимизм* – реакция, противоположная предыдущей. «Цинизм не есть безразличие... Это способ смягчения эмоционального удара тревог, во-первых, через юмористическое отношение, а во-вторых, через утрату сильной привязанности и вкуса к жизни» (276). Пессимизм чистый ведет лишь к депрессии, он не дает никакой линии действия и парализует; но «цинизм смягчает пессимизм» и вкуче они способны быть некоторой стратегией действия.

4) *Радикальная вовлеченность* – установка на «практическую дискуссию в отношении источников опасности». Предполагается, что следует направлять усилия к сдерживанию и преодолению рисков, и это, разумеется, также оптимистическая позиция.

Сохраняя академизм, Гидденс не отдает открытого предпочтения какой-либо из этих реакций. Но вместе с тем, как не раз отмечали, его освещение всей проблемы рисков отличается меньшим сгущением негативных оценок и прогнозов, меньшим алармизмом, чем у большинства известных авторов. Признавая, что «мы никогда не сможем целиком контролировать ни направление, ни темы глобального развития... никогда не будем чувствовать себя в полной безопасности» (279), Гидденс в то же время не столь критичен к современности как, например, Хабермас. Почти для всех разрушительных тенденций, как в обществе так и в человеке, для всех нарастающих явлений распада идентичности, обезличивания современной жизни, вытеснения личного общения, личных связей и т.д. и т.п. – он, как правило, находит и какие-либо противодействующие, противоположные явления и тенденции. В его оценке, роль новых технологий и коммуникаций амбивалентна – наряду с негативными эффектами, рождаются и новые возможности для личностного развития. Так, в наши дни «близкие отношения могут продолжаться и на удалении... благодаря современности, становится возможным активный процесс формирования «рефлексивной самоидентичности»» (284); возникают новые способы формирования сообществ, межчеловеческих связей, развития гражданского общества и т.д. Фактура современной жизни, по Гидденсу, всецело строится на сочетании полярностей: доверие – риск, благая возможность – опасность. И здесь явно слышится переключка с Хайдеггером, неважно, осознанная или нет: в современности, в ее технике заложены и высший риск, и ростки спасения.

Определенная переключка, почва общности имеется и с позициями Хабермаса. Минимизация рисков, укрепление безопасности и доверия, как соглашается Гидденс, с необходимостью требуют поддержания или восстановления некоторых форм, прежде находившихся в сфере если не религии, то, во всяком случае, традиции или традиций. «Снова будет иметь место обновленная устойчивость определенных аспектов жизни, напоминающая некоторые признаки традиции. Подобная устойчивость будет... создавать основу для чувства онтологической безопасности» (327). Гидденс воздерживается от обсуждения идеи «возврата религии», но тем не менее весь этот круг его идей, говорящих о возврате традиции, явно должен быть сближен с современными концепциями постсекуляризма, как у Хабермаса, так и у других авторов. Рассматривая концепцию риска в синергической антропологии, мы вновь еще вернемся к обсуждению постсекулярной парадигмы.

III. Антропологическая концепция риска

Легко согласиться, что две рассмотренные концепции риска, онтологическая и социологическая, могут рассматриваться как полярно противоположные друг другу. Дискурс Хайдеггера всецело строится в онтологической перспективе, дискурс социологической концепции – всецело вне этой перспективы. Риск современности связывается у Хайдеггера с феноменом техники, как и главные риски в социологической концепции (иной взгляд сегодня просто невозможен); но при этом сами риски в двух концепциях совершенно разные. Концепция Хайдеггера не заставляет отрицать те риски, которые видит в реальности социологическая концепция, но она заставляет расценивать их как простые эпифеномены, не относящиеся к сути дела. В эту суть вводит, по Хайдеггеру, лишь рассмотрение треугольника: *Человек – Техника – Бытие*; и лишь для такого рассмотрения, обнаруживающего, что техника есть «постав», открываются пути преодоления риска – тоже сугубо онтологические. Таким образом, в двух концепциях и наборы – или, в терминах Гидденса, «профили» – главных рисков, и интерпретация этих рисков, и стратегии их преодоления не имеют между собою ничего общего. Вместе с тем, каждая из них раскрывает реальные и необходимые аспекты проблемы: социологическая концепция конструктивна и функциональна, она дает основу для описания и анализа рисков современности (хотя в меньшей мере справляется с отысканием эффективной стратегии их преодоления); концепция же Хайдеггера глубинна, она представляет сущностную критику феномена техники, вскрывающую природные и коренные опасности техногенной цивилизации. Трудно не согласиться, что в адекватном и полном рассмотрении проблемы современных рисков желательно было бы сочетание свойств этих концепций; однако они базируются на несовместимых философских предпосылках, и прямолинейное их соединение невозможно.

Продвинуться к искомому сочетанию позволяет, в известной мере, антропологическая концепция рисков, которую мы бегло наметим. Поясним, прежде всего, само название концепции. Разумеется, мы не думаем утверждать заведомо неверного, того, что все – или хотя бы все высокозначимые – риски современности являются антропологическими в узком буквальном смысле – т.е. ограниченными лишь сферой антропологической реальности. Суть развиваемой концепции в ином. Присоединяясь к позициям «антропологического поворота» в гуманитарной мысли, мы предполагаем, что в развитии глобальной реальности играют определяющую роль явления и процессы на антропологическом уровне. С этой общей установкой мы и подходим к проблеме рисков. Соответственно, «антропологическая концепция рисков» должна пониматься как такая дескрипция рисков современности, которая последовательно выявляет в них антропологическое содержание, антропологические аспекты и стремится показать, что, по крайней мере, для большинства высокозначимых рисков современности такие аспекты играют определяющую роль в генезисе этих рисков, либо в их развитии, их воздействиях, либо в том и другом.

Поскольку наличие и важность антропологического аспекта в современных рисках не может отрицаться ни при каком к ним подходе, то появление концепции, ставящей этот аспект во главу угла, естественно и оправданно. Возможны, вообще говоря, различные варианты подобной концепции; мы же будем строить ее в рамках синергичной антропологии. Отправляясь от вышеописанных позиций и понятий современной теории рисков, мы можем принять, что ***первая крупная задача в построении концепции – это формирование некоторого профиля высокозначимых рисков***. Согласно центральной установке синергичной антропологии, при этом формировании должен осуществляться примат антропологических начал: мы ожидаем, что в формируемом профиле будут доминировать риски, связанные с антропологической реальностью. Но это недостаточно определенная формула, ибо существуют разные виды такой связи, и им отвечают разные категории рисков. Во-первых, существуют *чисто антропологические* риски или опасности

– такие, которые возникают в рамках индивидуальных антропологических практик, относятся к человеческой индивидуальности и целиком сосредоточены на антропологическом уровне, никак, вообще говоря, не отражаясь на уровне социальном; в терминах синергичной антропологии, они не порождают никаких антропологических трендов. Подобные риски, например, может создавать характер человека («рискованный нрав»), особенности его организма (риски для здоровья) и т.п. Далее, существует обширная группа опасностей и рисков, которые также возникают в индивидуальных практиках и непосредственно относятся к индивидуальности человека – так что, несомненно, являются антропологическими рисками; но при этом, они порождают заметные социальные последствия (например, в силу массового распространения). Сказываясь на социальном уровне, они тем самым принадлежат, в терминах синергичной антропологии, интерфейсу антропологического и социального и соответствуют некоторым антропологическим трендам. Можно называть их *социоантропологическими рисками*. К этой группе принадлежат, в частности, риски наркозависимости, радикальных психотехник и экстремальных телесных практик, когда эти техники и практики приобретают популярность. И наконец, существуют также опасности и риски, которые возникают в социальных практиках или даже в природном мире и непосредственно проявляются на уровне социальной реальности или в окружающей среде – однако при этом они имеют антропологическое происхождение, в том смысле, что можно проследить, как они порождаются определенными особенностями и/или действиями именно человека, а не социума. Это – так называемые *антропогенные риски*, и именно их имеет в виду Гидденс, который исследует лишь уровень социальной реальности, процессы в *обществе и глобальных системах*, но тем не менее говорит о «рисках, созданных человеком». В терминах синергичной антропологии, они также принадлежат интерфейсу социального и антропологического, и можно считать их также антропологическими рисками, однако уже в некотором расширенном смысле.

Проведя это тройственное разбиение, мы можем переходить к поставленной задаче, формированию профиля рисков современности на основе антропологических рисков. Из описания трех категорий явствует, что чисто антропологические риски не относятся к высокозначимым и могут не включаться в искомый профиль; но риски двух других категорий должны в него входить. Мы проделаем беглое обозрение всего поля основных антропологических рисков из этих категорий и непосредственно выделим высокозначимые риски, которые должны быть включены в профиль.

Начнем со второй категории, категории социоантропологических рисков. Отвечающие ей опасности и риски действуют прямо и непосредственно в антропологической реальности, в то же время обладая и социальной значимостью. Как мы указали, с такими рисками связаны антропологические тренды, и благодаря этому синергичная антропология может предложить хорошо разработанный исходный плацдарм для их изучения. Этот плацдарм доставляет проделанное нами в последние годы систематическое исследование антропологических трендов. Надо при этом уточнить, что наиболее тесную связь с рисками современности имеют *радикальные* антропологические тренды: логично предположить, что каждый радикальный антропологический тренд, в силу своей радикальности, несет в себе некоторые опасности и, стало быть, также риски. На одном из рабочих семинаров по синергичной антропологии (Новосибирск, 2009 г.) нами дано было описание всего множества таких трендов и представлена их классификация, располагающая их главные виды в порядке возрастания радикальности²³. Обращаясь к этой классификации, можно без особого затруднения идентифицировать опасности и риски, соответствующие каждому из видов. Можно ожидать также, в порядке общей закономерности, что с возрастанием радикальности антропотренда возрастает и величина связанного с ним риска.

²³ См.: С.С.Хоружий. Аналитика размыкания человека как методология диагностики антропологических трендов // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2010, №6. С.13-36.

В качестве трендов с наименьшей радикальностью, в нашей номенклатуре трендов выделяются психотехники – антропопрактики изменения и расширения сознания. Это – весьма широкая категория, и входящие в нее тренды разделяются на две большие группы: психотехники, использующие в качестве основы или прототипа некоторую духовную практику (йогу, шаманскую практику и т.п.) и психотехники, лишенные подобного прототипа. Из них психотехники, опирающиеся на некоторую духовную практику, в свою очередь, менее радикальны, чем психотехники из другой группы. Каковы же здесь риски и опасности? В этих практиках происходит работа с сознанием, и их риск – это риск ошибок в данной работе, риск образования состояний и формаций сознания, не соответствующих целям практики. Оценим величину подобного риска. Вероятность ошибок в работе с сознанием вполне значительна, как правило. Пагубность же таких ошибок состоит в том, что не будет достигнуто желаемое изменение сознания, а кроме того, возникшие состояния или формации сознания могут оказаться дефектными – например, они могут отвечать каким-либо патологическим паттернам бессознательного. В психотехниках, что имеют в своей основе духовные практики, этот пагубный эффект обычно не достигает большой разрушительности. Поэтому степень антропологической пагубности, равно как и социальной, здесь относительно невелика, и в целом, можно считать, что данная категория практик характеризуется не столь большой величиной рисков. Соответственно, эти риски могут не включаться в профиль высокочисленных рисков.

Иной, однако, характер носят радикальные техники контроля и манипулирования сознанием, которые применяются в тоталитарных сообществах и сектах. В подобных психотехниках риск и опасность несет в себе уже сама их цель, и ошибки в работе с сознанием здесь могут быть несравненно более пагубны, они могут вызывать тяжелые травмы сознания и разрушение личности, вплоть до суицидального исхода. Тем самым, антропологическая пагубность рисков здесь существенно возрастает. Однако насколько возрастает полная величина риска – это зависит и от его социальной пагубности, от массовости, и вопрос о его включении или невключении в профиль высокочисленных рисков должен решаться в каждом случае конкретно. Аналогично, априори могут быть как высокочисленными, так и не высокочисленными риски, отвечающие разнообразным психотехникам, изобретаемым в наши дни без опоры на определенную традицию, в порядке научного эксперимента или свободной импровизации – типа, например, школы холотропного дыхания Грофа, ребефинга и других дыхательных техник. Их оценка в аспекте рисков требует анализа их пагубности в конкретных социальных контекстах их культивирования.

Напомним вкратце дальнейший состав нашей номенклатуры радикальных антропотрендов: это –

«кислотные практики» (использующие психотропные средства),
экстремальные телесные практики (в том числе, практики актуального искусства),
виртуальные практики, во всем их разнообразном спектре,
практики, направленные к Постчеловеку (в первую очередь, киборг-тренд, с его предельной версией, трендом трансгуманизма, а также мутант-тренд).

За недостатком времени, мы не сможем систематически проанализировать все эти тренды и соответствующие им риски. Обсудим лишь те элементы данной номенклатуры, что необходимы для главной задачи, выстраивания профиля рисков. Категории трендов располагаются по возрастанию радикальности. Более радикальные тренды сопряжены с большими опасностями – более неминуемыми и/или более пагубными, так что отвечающие им риски отличаются большей величиной, ergo, большей близостью к группе высокочисленных рисков. Поэтому мы скажем лишь два слова о двух менее радикальных категориях. Хотя *экстремальные телесные практики* антропологически рискованны до предела, но их массовость, а стало быть, и социальная пагубность, весьма незначительна, откуда не столь значительна и полная величина их риска. Напротив, *«кислотные практики»* обладают огромной распространенностью. Хотя субкультура New Age, прямо

базирувавшаяся на них, давно уже не на пике популярности, но психоделический опыт остается обычной чертой молодежных субкультур, а наркомания продолжает быть крупной социальной опасностью. И в свете этого, риски, отвечающие таким практикам, следует отнести к высокозначимым рискам.

Что касается *виртуальных практик*, то их необычайная (и все растущая) разнородность влечет и аналогичную разнородность сопряженных с ними опасностей. Различные способы выхода в виртуальную реальность, различные виды виртуализации порождают очень различные риски. Но в этом разнообразии есть и своего рода «общий знаменатель» – одна опасность, общая для всех этих способов и видов. По определению, любая виртуальная практика – это выход из актуальной реальности, и возрастание роли этих практик, увеличение места, занимаемого ими во всей активности человека, означает ослабление связей человека с актуальной реальностью. По мере этого возрастания и увеличения, ослабление прогрессирует и актуальные практики человека начинают нести ущерб как внешний (человек уделяет им меньше времени), так и внутренний (человек уделяет им меньше внимания, меньше концентрируется на их выполнении). Наиболее существенные опасности и риски порождает ущерб, наносимый двум видам практик. Во-первых, практики личного общения все более замещаются практиками виртуального, сетевого общения, и это несет с собой ухудшение качества общения, снижение его духовно-душевной, экзистенциальной наполненности и интенсивности, убывание его личностной ценности; в свою очередь, это влечет и ухудшение качества социальной среды, оскудение ее фактуры. Во-вторых, в современном мире требуется множество актуальных практик, посредством которых функционирует техногенная цивилизация, и для всех этих практик ослабление концентрации, сосредоточенности – это ослабление способностей управления и контроля над технологиями, прямо чреватое техногенными катастрофами. Равным образом, происходит ослабление способностей управления любыми «абстрактными системами» (этим термином Гидденс обозначает все современные экспертные системы и символические знаковые системы, такие, скажем, как финансовая система). Нарушения функций управления и контроля Гидденс называет «ошибками оператора»; и мы заключаем, что усиление виртуализации неизбежно влечет за собой нарастание ошибок оператора во всех системах современной реальности. Эту опасность – и шире, опасность общего ослабления, а затем и разрушения связей с актуальной реальностью – можно, вероятно, считать главной из всех опасностей, связанных с виртуальными практиками, и ясно, что отвечающий ей риск следует относить к разряду высокозначимых рисков. Полный анализ этого риска должен, однако, учитывать сложные взаимозависимости практик и обратные связи в современных системах: так, многие функции управления и контроля сегодня сами осуществляются посредством виртуальных практик.

Наконец, тренды, ориентированные к Постчеловеку, обладают, по самому их определению, предельной радикальностью. В антропологической перспективе, они связаны и с предельной, крайней опасностью: опасностью видовой смерти, исчезновения человека как такового (Постчеловек – это заведомо не человек). Оценим величину соответствующего им риска. В своем развитии эти тренды, которые мы собирательно объединяем в один «тренд Ухода», продвинулись сегодня уже настолько, что вероятность осуществления опасности вполне значительна. Значительна и распространенность, популярность данных трендов, т.е. социальная пагубность опасности. И вкуче отсюда следует, что в нашей антропологической концепции риск, сопряженный с трендом Ухода, надо также считать предельным, наиболее высокозначимым из всех рисков современности.

В итоге, мы выстроили профиль рисков современности, который отвечает совокупности социоантропологических рисков. Но профиль, отвечающий этой совокупности, – явно еще не полный профиль. Описывая социологическую концепцию, мы привели выстроенный Гидденсом профиль главных, самых высокозначимых рисков.

Он включает 4 вида рисков, и мы видим сейчас, что *ни один из них не входит в наш профиль*. Но это еще не значит, что неполной является сама наша антропологическая концепция риска. Начиная строить ее, мы указали, напомним, что в ее орбиту включаются три категории рисков: чисто антропологические – социоантропологические – антропогенные. Последнюю категорию мы пока не рассматривали, и естественная рабочая гипотеза состоит в том, что главные риски, которые указывает социологическая концепция, принадлежат именно к ней, являются антропогенными рисками. Как я отмечал уже, с этим, судя по всему, согласен и Гидденс, хотя он лишь мельком касается всех антропологических аспектов проблемы рисков.

Приведем вновь риски профиля Гидденса: 1) рост тоталитарной власти, 2) ядерный или крупномасштабный военный конфликт, 3) разрушение механизмов экономического роста, 4) экологическое разрушение или катастрофа. Масштабы лекции не позволяют нам сейчас основательно доказать, что все эти виды рисков антропогенны; такое доказательство должно быть темой отдельной разработки. Однако нетрудно указать для каждого вида определенные аргументы, наводящие соображения, говорящие о его антропогенности.

С позиций синергичной антропологии, на базе ее понятий достаточно прозрачно видна антропогенная природа глобальных экологических и экономических рисков современности (виды 3, 4 в профиле Гидденса). Бесспорно, непосредственные причины этих рисков доставляет техническая, технологическая, хозяйственно-экономическая активность человека, которая разворачивается на социальном, а не собственно антропологическом уровне реальности. Но, идя глубже, мы обнаруживаем действие антропологических факторов. Деятельность, порождающая глобальные экологические и экономические риски, культивируется отнюдь не в любой антропологической формации, она специфически характерна для формации, которая в синергичной антропологии именуется «Человек Безграничный» и которая включает в себя формацию Homo technicus, человека, определяемого орудийно-инструментальным отношением к реальности. Иными словами, данные виды рисков обязаны своим происхождением именно антропологическому фактору, доминированию определенной антропоформации, – и в этом смысле, они могут считаться антропогенными.

Что касается видов 1 и 2, то в своем непосредственном содержании, это, разумеется, политические риски; однако за этим первым планом опять-таки обнаруживаются антропологические измерения. Отличие, однако, в том, что для данных рисков, для соответствующих им феноменов опасности их антропологические аспекты гораздо менее выявлены и раскрыты (будь то в синергичной антропологии или вне ее), хотя само их наличие не подвергается сомнению. Нет сомнения, что ключи к пониманию феномена тоталитаризма лежат на антропологическом уровне, и в основу феномена входит определенная тотальная переделка человека. Характер этой переделки бегло обсуждался в моих работах; я показывал, что решающее условие в конституции тоталитарного устройства – это некоторая очень специфическая трансформация сознания, установление в сознании определенного режима, который я назвал насильственной синергией. В свете этого, мы можем считать, что риск тоталитаризма является антропогенным риском; но в целом, антропология тоталитаризма остается важным и крайне мало изученным предметом. Сходная ситуация и с риском военным. Корни феномена войны включают в себя несомненные антропологические слагаемые, связанные, прежде всего, с феноменами агрессии и трансгрессии (напомним в этой связи этологический анализ агрессии К.Лоренца). Но надо также учесть, что в профиль Гидденса входит риск глобальной войны, ядерной или иной, исходом которой может быть и самоуничтожение человечества. На антропологическом уровне, продвижение к войне на самоуничтожение может интерпретироваться как один из вариантов тренда Ухода и риска Ухода. Это – уже рассмотренный нами риск, не только антропогенный, но и социоантропологический. (Однако и здесь надо подчеркнуть, что наши соображения лишь приблизительны и

предварительны, меж тем как основательной теории антропологических корней и антропологических измерений войны до сих пор не имеется. В частности, и в рамках синергийной антропологии остается невыясненным, с какими антропологическими формациями, парадигмами конституции человека следует соотносить практики войны.)

Итак, в согласии с нашей гипотезой, главные риски современности, указываемые социологической концепцией Гидденса, действительно, оказываются антропогенными рисками. Как таковые, они включаются в орбиту антропологической концепции риска и завершают выстраиваемый в ней профиль рисков. Тем самым, завершен и первый беглый набросок этой концепции; и мы видим, что, позволяя охватить все высокозначимые риски современности, она хотя бы потенциально является достаточно полной. Можно также увидеть, что в ней, как и предполагалось, достигается определенное сочетание свойств онтологической и социологической концепций.

Сближения с концепцией Хайдеггера заранее уже предопределены глубокими сближениями общих позиций синергийной антропологии и философии Хайдеггера. Строгий онтологизм этой философии и утверждаемое в ней своеобразное тождество онтологии и антропологии находят определенное соответствие в принципе примата антропологического уровня реальности, утверждаемом в синергийной антропологии. Но при этом, у Хайдеггера концепция человека столь же строго монистична: говоря в терминах синергийной антропологии, здесь существует единственная антропоформация, Онтологический Человек, в противоположность принципиальному плюрализму синергийной антропологии. В свете этих соответствий, можно усматривать общность в строении профиля рисков в онтологической и антропологической концепциях. Хайдеггер не разменивается на мелочи: он не вводит понятия профиля рисков и рассматривает всего единственный «высший риск», который можно трактовать как риск ухода Онтологического Человека – ухода, который для него равносителен и уходу человека как такового. А в синергийной антропологии на вершине профиля рисков, как высший риск – тоже риск ухода человека как такового, хотя теперь это уже уход не только Онтологического Человека, но и ансамбля других антропоформаций.

Эта общность дополняется тем, что в синергийной антропологии формация Онтологического Человека – хотя и не единственная формация, как у Хайдеггера, но существенно выделенная. В проблематике рисков эта выделенность проявляется, когда мы рассматриваем вопрос о сдерживании и преодолении рисков. Онтологическая концепция складывается, говоря упрощенно, из двух частей, которые трактуют, соответственно, об Опасности и о Спасении, причем последнее заключается в «повороте» к выступанию в просвет бытия или, что то же, в восстановлении полноценной формации Онтологического Человека. При этом, однако, для осуществления «поворота» не указывается никаких конструктивных подходов или стратегий. Оно рисуется лишь в поэтическом и отчасти утопическом дискурсе, в духе Гельдерлина, как некое «вдруг», в котором человек внезапно обнаружит себя открытым истине и бытию. Что же до антропологической концепции, то она, если выразиться по Хайдеггеру, тоже стремится говорить не только об Опасности, но и о Спасении; иными словами, она включает в свои задачи выработку подходов и стратегий сдерживания и преодоления наиболее опасных рисков. Здесь мы еще не будем входить в эти задачи, они должны стать предметом дальнейшей работы. Но тем не менее, нетрудно увидеть, каким должен быть главный принцип искомых стратегий.

Если последовательно описать, какие антропоформации соответствуют рискам из выстроенного нами профиля, то станет ясно, что современная эскалация рисков и превращение современного общества в «общество риска» идут параллельно неостановимому процессу смены доминирующих антропоформаций, который был развязан с уходом формации Онтологического Человека в Новое Время. Прделанный нами анализ радикальных антропотрендов показывает прямую связь наиболее радикальных трендов – ergo, наиболее опасных рисков – с формациями, занявшими место Онтологического Человека. И, соответственно, стратегия преодоления этих рисков

должна заключаться – как то говорит и концепция Хайдеггера – в восстановлении отношения Человека к Бытию, в возвращении Онтологического Человека, пусть в некоей новой форме, адекватной современности. Но в нашей концепции такое возвращение описывается не поэтически-утопически, а в конкретном ключе: мы формулируем ведущие к нему методики управления антропотрендами²⁴ – а стало быть, и соответствующими рисками, а также связываем его с наметившимися тенденциями перехода современного общества в постсекулярную парадигму. Дополняя идеи постсекуляризма антропологическими аспектами, мы показываем, что базовые элементы постсекулярной парадигмы, такие как «возвращение религии» и постсекулярный диалог, могут служить для решения задач сдерживания и преодоления наиболее опасных тенденций современности и, в первую очередь, тренда и риска Ухода²⁵.

Связи нашей концепции с социологической концепцией рисков являются еще более прямыми и тесными. Эта концепция – мейнстрим современной разработки проблемы рисков, и в очень многом мы примыкаем к ней, заимствуем ее понятия, установки и движемся в ее русле. Но вместе с тем, мы находим ее подход недостаточным. Она избегает рассматривать не только онтологические, но и антропологические аспекты проблематики рисков, тогда как мы полагаем, что эти аспекты первостепенно важны. Их учет, производимый с помощью аппарата синергичной антропологии, позволяет заметно глубже, многосторонней понять и генезис рисков, и их развитие. Он также открывает подходы и пути к тому, что Хайдеггер именуется «спасением», к преодолению высших рисков. Известные сегодня формы социологической концепции почитают «спасение» за пределами ее тем и задач; так, Гидденс, по сути, не обсуждает стратегии сдерживания и преодоления рисков, но лишь рассматривает, как человек применяется к ним, вырабатывая адаптивные реакции. Но кто доказал, что наука не может большего? Как я полагаю, антропологическая концепция рисков может обоюдно-полезно сосуществовать с социологической концепцией, выстраивая в отношениях с нею некий род постсекулярного диалога. В мире действует, напомним, «по-настоящему грозная» совокупность рисков, и чтобы ее осмыслить и с нею справиться, необходимо объединять усилия разных направлений и разных школ.

²⁴ См. С.С.Хоружий. Управление антропологическими трендами: подступы к проблематике // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2011. №7.13-28.

²⁵ См. С.С.Хоружий. Постсекуляризм и антропология // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2012. №8.15-34.